Н.А. Натаров

Из философских писем к современникам об основных идеях теории реформ

Необходимость социально-интеллектуальной революции как условия успешных реформ

Уважаемые современники! Самое трудное в переживаемом нашей страной времени – это *неясность* и *неопределённость* перспектив и отсутствие ПОНИМАНИЯ того, что происходит с обществом и человеком сегодня.

То, что происходит сегодня, это – кризис. Но это не только экономический кризис. Это кризис универсальный, многосторонний. Сама глобальная ситуация является необычайно критической и требует не просто выработки нового мышления применительно к частным вопросам: к экономике, к технологии, к экологическим проблемам, к нравственным, ценностным, гуманистическим и т.д. (социально-психологическим, социологическим, демографическим, политическим и т.п.), но – осуществления социально-интеллектуальной революции с тем, чтобы поднять *понимание вообще* на принципиально новый уровень, на уровень объективных требований новой эпохи, в которую вступает человечество.

Никакие реформы не пойдут и не дадут положительных результатов, если народ не поднимется на их осуществление. А чтобы народ поднялся на реализацию реформ, необходимо, чтобы в миллионах человеческих голов была идеальная модель (понимание) того общества, которое предстоит создать. Человек, как известно, тем и отличается от пчелы, которая строит свои безупречные по форме соты, что, прежде чем создать задуманное в натуре, человек создаёт его в голове – в виде идеального образа того, что должно быть. А у нас должно быть – по обстоятельствам, в соответствии с историческим временем и применительно к конкретному пространству (территории) и – к народонаселению, с его культурой труда и т.д.

В периодической печати справедливо отмечается, что мир переживает «и очень большой духовный кризис» (см. Интервью В.В. Иванова в беседе с Еленой Якович. «Литературная газета», № 39 от 23 сентября 1992 г.).

Факты и события нашей жизни характеризуют, в конце концов, духовное состояние нашего общества, характер его мышления, мотивы и стимулы сознания, отражающиеся в действиях общества.

Остановлюсь на двух примерах: на рекомендациях новой кандидатуры на пост премьер-министра и на межнациональных конфликтах – на том, как при этом аргументируют, объясняют, понимают, что делать.

Еженедельник «Мегаполис-Континент» в № 34 от 29 августа – 4 сентября 1992 г., стр. 8 и «Мегаполис-Экспресс» в № 36 от 9 сентября 1992 г., стр. 19 выражают мнение, что «Аркадий Вольский был бы достойным премьером» и что «ясно одно: он не стал бы проводить курс, который проводит Гайдар».

Там же, на стр. 8, читателям представляют Иосифа Дискина как «автора альтернативной экономической программы». И. Дискин считает, что его программа «менее болезненна, чем правительственная, но непроста для реализации. Кроме политико-экономических средств – восстановления отношений с ближним зарубежьем и с бывшими странами СЭВ, ПРИДЁТСЯ ПОЙТИ НА ПОДДЕРЖАНИЕ

НАЛОГОВЫМИ СРЕДСТВАМИ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДОХОДАМИ И ЦЕНАМИ (выделено мною. – Н. Н.).

Такая вот «программа», что невольно вспомнились слова песни: «Всюду деньги, деньги, деньги, всюду деньги, господа...» Ведь налоги – это деньги, доходы – деньги, цены – тоже деньги. И вот, кружась в этом денежном круге, уважаемый Иосиф Дискин полагает, что он нашёл альтернативу гайдаровской *экономической* программе при помощи своей *экономической* программы.

Но «эврики» не получилось, потому что получилась только иллюзия. Как уже говорилось, в основе концепции Гайдара лежат «эффективные деньги». А экономическая концепция И. Дискина – это: «деньги – деньги – деньги», кружащиеся в бессмысленном хороводе: Д – Д – Д.

Казус здесь в том, что если программа Гайдара является *экономической*, а нашему обществу предстоит перейти в новую МЕРУ культуры труда, т.е. – к такой системе, чтобы не вещественные, а личностные факторы возобладали в общественных отношениях, – то любая другая *экономическая* программа уже по определению – неальтернативны, иллюзорна и, в конце концов, бесплодна.

То же самое, в известном смысле, и с кандидатурами в премьер-министры. У нас вообще никогда с 1917 года не было самого принципа альтернативности в оценке личности при подборе кадров на пост Председателя Совета Министров. Когда Н.А. Тихонов сменил А.Н. Косыгина, а Н.И. Рыжков сменил Н.А. Тихонова (и т.д.: В.С. Павлов – вместо Н.И. Рыжкова, И.С. Силаев – вместо В.С. Павлова, Е.Т. Гайдар – вместо И.С. Силаева), то все эти кандидатуры НЕ были альтернативными личностями, ибо все ОНИ на момент их выдвижения и в течение всего срока работы были *экономически ориентированными* политическими деятелями и ни в какую новую МЕРУ культуры труда не собирались наше общество переводить.

И это началось ещё с В.И. Ленина как первого Предсовнаркома. Именно Ленин и установил «культ экономического развития» в нашей стране, заявив: «Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически» (см. Ленин В.И. ПСС, т. 38, с. 179). И все предсовнаркома после Ленина были лишь *проводниками* партийных догм, утверждённых программ, и ничего личностного, творческого от них не требовалось. Это были исполнители директив. И этим всё сказано. Дело в том, что будущее общественное устройство (Ленин называл его «коммунизмом»: так ему казалось, так ему нравилось) не может быть основано на *экономике*, ибо *экономика* в сущности своей – враждебна человеку и природе, враждебна экологическим устоям биосферы и гуманистической организации социальной жизни.

Экономика *терпима*, пока народонаселение невелико, а вторжение в биосферу ограничено. Но ныне, когда население Земли перевалило за 5,4 млрд. человек, наступил критический момент и в том и в другом отношении. Поэтому сегодня человечество объективно стоит перед необходимостью перехода на новую культуру труда, или – новый тип труда. А это уже не экономика. Сущность не та!

А так как с развитием новой культуры труда произойдут *изменения*, при которых роль человека и роль экологически упорядоченной биосферы возрастают и будут прогрессивно возрастать, то из этого следует: а) что экономика (её рост) находится в обратном отношении к этому развитию культуры труда; б) что повышение роли человека и – значения экологически упорядоченной биосферы – это и есть путь к становлению высшей культуры труда.

Поэтому следует считать, что ленинская ставка на экономику была неадекватной уже в 1919 году. Но разве мы понимаем это хотя бы сегодня, в 1992 году? Нет, не понимаем. И не понимаем потому, что *хомо экономикус* отнюдь не является человеком разумным. Разумный человек понимал бы, что *экономика*, осмысливаемая в большой перспективе, самоотрицается (и критический момент наступил уже сегодня). – Экономика *есть способ паразитирования двуногого социального животного, враждебный, как способ бытия, по отношению ко всему живому и к человеку в том числе*. Анализируя происходящее, надо держать в уме два тезиса:

а) Реформы затеяны ради благосостояния народа;

б) Реформы надо вести ради становления талантов и способностей, ведущих к обеспечению истинного бытия народа, т.к. экономика – это ложное бытие народа.

Но, человек, принявший экономический тип бытия, этого не понимает, потому что это – ЕГО тип бытия и потому что «выгода», «польза», которые он извлекает из природы и из других людей, затмевают ему ИСТИНУ и «заменяют» ему истину, *не позволяя подняться к истинному бытию*. Какой же в этом разум?

Надо, видимо, назвать ряд причин, из которых вытекает экономическое ослепление, как масс людей, так и интеллектуалов.

1. Короткий срок жизни человека (порядка 70 лет) при слабой теоретико-аналитической базе реформ представляет собой недостаточный отрезок времени, чтобы человек овладел мудростью, отрешился от эгоизма в суждениях, так как объект познания чрезвычайно сложен и за краткий срок жизни *достаточной концентрации интеллекта не происходит*.

2. Низкий уровень образованности и просвещённости громадных масс людей, населяющих Землю, да и нашу страну, не позволяет возникнуть тому фону культуры мышления, тому *критическому* социально-интеллектуальному фону сознания, на котором было бы невозможным выдвигать для массового сознания программы, некорректные с точки зрения логики истории и подлинной культуры бытия.

Низкий фон критического сознания масс позволяет всевозможным идеологам: экономистам, политикам, юристам – сбивать с толку прошедших одну только азбуку людей скороспелыми «программами».

Надо отметить, что в России не было достаточно полной эпохи Просвещения, – как не было у неё и эпохи Возрождения, как НЕ было и неё *полного комплекса социальной революции*, как это было, например, во Франции.

И вот в такой обстановке, когда не произошла ещё социально-интеллектуальная революция, мы хотим, чтобы реформы происходили успешно?!

3. Поскольку в России *НЕ было полного* комплекса социальной революции, пережитого Западной Европой (нидерландская, английская, французская социальные революции), *включавшие* в себя такие *этапы*, как **экономическая революция** (переход от цехового ремесла к мануфактурному производству), как **идеологическая революция,** представленная деятельностью просветителей и энциклопедистов

(Вольтер, Руссо и т.д.), как **политическая революция,** органично подготовленная двумя предшествующими этапами социальной революции, как полная **промышленная революция** (переход к машинизации мануфактурной организации производства: ведь у нас сейчас – ещё 50% ручного труда, если не более 50%), как **современные НТР,** «смазанные» у нас под влиянием и «по инициативе товарищей Сталина» и Т.Д. Лысенко, разгромивших кибернетику и генетику, – то у нас в социальном сознании *не состоялась выработка критерия истинного бытия в человеческом мышлении* и были восприняты критерии буржуазного (= экономического) бытия, демагогически переадресованные «всему народу».

4. Экономическое ослепление массового сознания обусловлено также гигантским объёмом экономических сочинений. Эти фолианты подавляют сами по себе, *внушая* массам, что такие объёмы экономических трактатов не могли бы быть посвящены чему-то незначительному. Особенно – у нас в стране, где мало кто разбирается в сущности «экономического начала».

5. Экономическое ослепление проистекает ещё и из того, что люди не догадываются, что законы природы не знают «критерия пользы» и не действуют в соответствии с «принципом пользы». У этих законов иной смысл.

С тех пор как люди перестали подчиняться законам биологической эволюции и стали экономически порабощать природу, они переносят на неё свои субъективные представления о *целесообразном* и тем самым ведут биосферу к катастрофе.

Переход на экономический принцип бытия – это ошибка.

Это была ошибка, сущность которой не понята до сих пор, и потому – ошибка, «чреватая», как в прошлом, *так и сегодня*. – Российский социализм не выдержал испытания историей потому, что его хотели построить на *экономике*, хоть и на командно-административной... Но если бы даже пытались его возвести на рыночной экономике, то это тоже не удалось бы! Вот этого-то у нас и не понимают, ибо воспитались поколения «экономически ослеплённых людей». Я бы даже сказал: «поколения экономически-чокнутых людей». Людей, у которых нет адекватного социального мировоззрения, отсутствует историзм социально-философской рефлексии. Что же касается методологической «хватки», методологической компетентности управленческих структур, то я это называю «экономическим ослеплением правительственного истеблишмента». От этого и произошло, что, думая о БУДУЩЕМ, все, так сказать, свихнулись в экономику, то есть – в трагическое состояние господства прошлого труда над его будущими формами. Был культ Ленина, который у Маркса многого не читал (например, не читал «Немецкой идеологии», которая весьма важна в социально-философском смысле, но не была издана и пребывала в рукописном состоянии, не читал «Экономических рукописей» 1857-1859 годов, да и многого другого), да к тому же Ленин как читатель Маркса был ориентирован на политическую революцию в России, на захват власти. А это – совсем другое чтение, чем то, которое требуется сегодня! Надо подчеркнуть, что более глубокого, чем у Маркса, анализа капитализма (этого наиболее полно развившегося экономического организма) в истории науки просто нет. – Эрих Фромм это подчёркивает в своих работах. – Надо, конечно, знать и Кейнса и Тойнби, и Макса Вебера и т.д. Но надо помнить, что К.Маркс выступал НЕ как экономист, а как *критик* политической экономии, т.е. как критик самой экономической субстанциональности. А это ставит его над всеми экономистами и над самой «экономической материей», которую у нас склонны абсолютизировать.

Для нашего общества критика политической экономии *сегодня, если она развёртывается с позиции более высокой культуры труда*, – а у К. Маркса она именно с такой позиции и развёртываются, – более актуальна, чем для кого-либо и когда-либо, так как иным способом решить проблемы нашего общества немыслимо и невозможно. Это надо подчеркнуть, чтобы не казалось, чтобы не создавалось иллюзий относительно эффективности экономического подхода к реформам в условиях нашего социума, ибо многие политики и экономисты у нас думают, что экономический подход и метод абсолютно идеален и не несёт с собою негативных последствий. Эта критика необходима, чтобы понимать заранее, что, **вступая на стезю экономической методологии, мы можем проиграть больше, чем надеемся выиграть**. Ведь никто не доказал, что впереди у нас на почве экономической методологии – только благо. Вместо такого доказательства – у экономистов присутствует только некое наитие. О будущем наши уважаемые реформаторы вообще помалкивают, хотя и создают некоторым образом впечатление (кивая на Запад), что следствием экономических реформ у нас будут молочные реки и кисельные берега, «златые горы и реки, полные вина».

Центральный пункт всей мыслительной работы о преобразовании и возрождении России – это вопрос о том, *какое* будущее нас ожидает, если мы будем бездумно *плыть* в фарватере, пролагаемом для нас экономистами? И естественно возникает другой вопрос: «*Каким* это будущее надо сделать нам самим, усилиями народа и его мыслящей части?».

И ответ на эти вопросы в общем виде уже ясен: это будущее – не тоталитарный социализм... НО и НЕ система экономического принуждения и господства чистогана (к чему фактически ведут экономисты!). Они к этому ведут, потому что другого-то и не знают. У них на этом экономизме, как говорится, «свет клином сошёлся».

На самом же деле – это должно быть принципиально новое общество, определить сущность которого надо через категорию *новой* МЕРЫ. Подобно тому, как философская категория меры (и «узловая линия мер») – выше категории «качества», так и то будущее общество, которое предстоит создать в обновляемой России, представляет собой новую МЕРУ культуры труда (не новое качество в рамках экономической меры, а новую МЕРУ).

Если культура труда в рамках экономической меры отношений выражается в том, что меновая стоимость («чистоган») господствует во всех расчётах производства над потребительной стоимостью рабочей силы и над ЦЕННОСТЬЮ ТАЛАНТА, то преодолеть эту зависимость человеческого начала от начала «чистоганного» (финансового) в рамках экономической детерминации невозможно. Даже волюнтаристским методом НЕВОЗМОЖНО сделать наоборот! Ничего не получится. И это уже показал опыт волюнтаристски введённого социализма! Следовательно, необходимо «*третье решение*». Необходимо *развитие* рабочей силы и подъём её социального статуса – до статуса творческой личности и *развитие* самого труда – до статуса творческого труда. Словом, истинное бытие.

Это потребует создания новой технологической основы общества и громадной работы по развитию способностей и образованности людей. Но это – единственный путь из тупика экономизма и экономической детерминации жизни. Но так как у нас был культ Ленина, то никто в прошлом не смел и не посмел о его высказываниях своё суждение иметь. И упомянутая, процитированная выше ленинская формула об обоснованности будущего общества – экономическими началами и аргументами – не критиковалась и не переосмысливалась. А эта ленинская мысль есть, в сущности, *догма*, *переносящая фундаментальные*

отношения капиталистического общества – на БУДУЩЕЕ, – принципиально отличное от него общество – без соответствующей творческой корректировки.

Это вопрос, который НЕ только никогда не обсуждался, но никогда и не был осмыслен и осознан. Т.е. – не был поставлен. – И об этом ещё будет речь впереди, когда будет затронут вопрос о связи разделения труда и характера технологии. –

И когда сегодня в газетах альтернативу видят не в характере социального мировоззрения и начинают повторять имя Аркадия Вольского как будто бы альтернативу Егору Гайдару, то действительной альтернативы в этом нет (хотя германскому промышленнику Амеронгену и КАЖЕТСЯ, что А. Вольский «очень образованный человек»[1]). – Прелесть что за аргумент: человек «очень» образованный и человек «не очень» образованный. Где критерии? Где экспертиза образованности? Это невольно вызывает в памяти «формулу» Н.В. Гоголя: «дама, приятная во всех отношениях» и т.д.

Сегодня альтернативной кандидатурой в премьеры может быть только такая личность, которая сможет предложить нашему обществу новую, высшую, чем экономическая, *систему* социального мировоззрения и поистине нового *мышления* и обнаружит, что она как личность на голову выше всех прежних премьеров, начиная с 1917 г. **Ибо таковы обстоятельства, в которых находится наша Россия!** У нас за все эти годы советской власти никогда не было, чтобы премьер-министр или кандидат в премьеры – обнаружил бы всенародно СВОЙ интеллект, да так, чтобы это было убедительно для всего народа!

Все наши премьеры были несамостоятельными, безличностными и, в сущности, интеллектуально скукоженными людьми. – И сегодня тот же Е.Т. Гайдар (или Аркадий Вольский?) – разве они убеждают новым социальным мировоззрением, НОВОЙ СИСТЕМОЙ МЫШЛЕНИЯ?! – Поэтому страна и прозябала, опутанная догмами экономического материализма! Что же: и далее – в том же духе?!

За 73 года в мире произошло три грандиознейших научно-технических революции (открытие микромира и ядерной энергетики – в физике, создание генетики и биотехнологий, создание кибернетики и, на её основе, открытие интеллектуальных технологий, использование информационных технологий). Всё это создаёт предпосылки для возвышения роли творческой человеческой личности, для её освобождения от роли товара на рынке труда.

А у нас всё продолжают и продолжают нажимать на экономику, утверждают культ экономики, т.е. – культ системы, в рамках которой мёртвый труд (собственность) господствует над трудом живым – над творческой деятельностью гуманитарного типа.

Историческая ситуация вследствие упомянутых НТР принципиально изменилась, и экономизм фактически стал реликтовым мышлением, формой атавистических суждений, ибо эти революции объективно требуют адекватного им «эффективного человека».

Экономизм *сегодня* тем и порочен, тем и недостаточен, тем и экстенсивен, что активность человеческого созидания поставлена в зависимость от денег, от их меновой стоимости. Деньги – в гуманистическом смысле – мертвы, ибо НЕ они, а человек, открывает, например, закон всемирного тяготения, или создаёт модель структуры ДНК (двойную спираль), как это сделали Крик и Уотсон, что положило начало молекулярной генетике, несущей с собой гигантские социокультурные следствия. Деньги

[1] См. «Мегаполис-Экспресс», 1992, № 36, с. 19.

как капитал (и это надо повторять и повторять!) выступают как условие развития производительных сил *лишь до тех пор,* пока последние нуждаются во внешнем пришпоривании, которое вместе с тем является их обуздыванием, ибо «инициатива» денег задаётся целью произвести товарную массу – ради извлечения прибыли (т.е., – опять-таки, – денег). Инициатива человека, – если его, а не деньги, поставить на первое место в сфере творческой активности, – безгранична и сама себя удовлетворяет. А это как раз и есть то положение, которое соответствует *установке на интенсивное развитие* нашего общества, избравшего путь реформ.

Не имея ничего ни против Аркадия Вольского, ни против Егора Гайдара как персоналий, в наше время надо быть категорически против теоретико-методологической несостоятельности любых персон, стремящихся в премьеры, которые (из-за своей теоретической слабины) тут же затеют свой «крупномасштабный экономический эксперимент» над Россией, действуя традиционным методом проб и ошибок, так как не имеют НОВОЙ СИСТЕМЫ МЫШЛЕНИЯ. Неужели не ясно, что Россию, – при всенародном присутствии гуманистически непросвещенных людей, при всеобщей некомпетентности по вопросу о природе, о сущности экономического начала, – вздёргивают на «экономическую дыбу», выкручивают ей «суставы», навязывают ей отношения и «ценности» «чистогана», и всё это только потому, что у лидеров реформы отсутствует адекватный нашей эпохе социальный интеллект!! Это надо же додуматься, чтобы в конце XX века предложить меркантилизм и монетаризм в качестве доктрины реформ. Будто на дворе – начало XVII века!

Новая система социального мировоззрения и мышления необходима, прежде всего, в вопросах оценки и определения общества, которое должно возникнуть вследствие реформ.

Здесь наша страна стоит перед проблемами совершенно новой МЕРЫ, которые имеют экономическую составляющую, но не сводятся к ней. Здесь необходимы неординарные суждения, а не суждения, навеваемые прошлым историческим опытом, необходимы, так сказать, суждения новой меры. Чтобы действительно определить сущность современной эпохи, надо выделить в ней ГЛАВНОЕ. А главное в наступающей эпохе – это ИНТЕРЕС, который в ней *должен* ДОМИНИРОВАТЬ. Но при этом надо заметить, что на категории «интереса» в истории не только нашей страны споткнулись многие «реформаторы» и «революционеры».

Так, совершенно очевидно, что и наши уважаемые экономисты-реформаторы, предполагая и полагая свои «реформы», исходят из категории «интереса». Еще В.И. Ленин указывал на значение «интереса» и призывал: «на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчёте потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие к социализму» (см. Ленин В.И. ПСС, т. 44, с. 151).

И что же? Несмотря на все эти апелляции к «интересу», ничего законченного и практически убедительного не получилось! Почему же не получилось? Никто так и не понял. Никто не проанализировал. Даже в 1991 г. 8 августа «Правда» опубликовала проект новой программы КПСС, в котором IV раздел был озаглавлен: «Чьи интересы выражает партия». Это значило, что принцип «интереса» не был отброшен. И что же? А то, что через четыре месяца сама КПСС развалилась. Почему же не получилось – двигаться от успеха к успеху «на интересе»?

Да потому что сам «интерес» мыслился абстрактно, во-первых, и потому, что к этому интересу, во-вторых, подстраивались люмпенизированные массы, равно, как и паразитическая бюрократия, **которых вполне устраивала такая вот**, *абстрактная,* трактовка «интереса». – Ещё Гегель в своей статье «Кто

мыслит абстрактно?» – убедительно показал, что абстрактно мыслит торговка яйцами на Берлинском рынке (см. Гегель. Работы разных лет, М., 1970, т. I, с. 389-394).

Но, как это ни удивительно, ни Ленин в 1921 г., ни составители программы КПСС в 1991 г. не заметили, что они мыслят абстрактно, когда апеллируют к «интересу», на котором предполагается основать совершенное общество. Никто не задался вопросом ни в 1921, ни в 1991 году, НА КАКОМ ЖЕ ИНТЕРЕСЕ преобразовывать социум, какими историческими параметрами должен обладать ИНТЕРЕС, чтобы из реформ вышел толк. «Интерес» оценивается субъективистски: «*Чьи* интересы выражает партия». **Вопрос сформулирован в притяжательном наклонении**: Чьи? А это значит, что авторов вопроса НЕ интересует ни историческое качество интересов, ни историческая МЕРА интереса, на которые предполагают опираться в политике. Не интересует этот вопрос об историческом качестве и МЕРЕ интересов и наших уважаемых реформаторов в 1992 г., как не интересовало это и Ленина. Во всех случаях подразумеваются личные интересы, то есть – наличные, стихийно возникшие интересы, имеющиеся у массы людей на данный момент. Но ведь это интересы – люмпенизированной массы людей, людей, которые претерпели громадную массу несчастий, горя и деградировали в социокультурном, нравственном отношении, живут в нищете и не ставят перед собой каких-либо возвышенных целей, адекватных эпохе перехода в новую цивилизацию, в новую МЕРУ культуры труда. Как же можно на почве интересов такого непрезентабельного исторического качества – рассчитывать достичь ОБНОВЛЕНИЯ России?! Если мыслить конкретно (а не абстрактно, когда подразумеваются наличные, по существу, – заниженные и фактически – люмпенизированные – интересы), то необходимо различать *субъективные интересы и потребности приниженных историей индивидов* и ОБЪЕКТИВНЫЕ *интересы* и потребности эпохи перехода социума в высшую МЕРУ культуры труда, которые как интересы и потребности, не зависящие от воли и сознания ладей – выражают собой ИДЕАЛЫ более высокого образа жизни и деятельности и только и должны быть положены в основу реформ. Поскольку наши уважаемые реформаторы этого не различают, опираются на банальные интересы и потребности массы люмпенизированных людей, приниженных к тому же финансовой политикой обнищания масс, проводимой правительством Гайдара, то из ТАКИХ реформ ничего возвышенного не получится, и такую политику ждёт крах.

Итак, надо различать *субъективные* интересы и потребности индивидов и *объективные* интересы и потребности нашей *эпохи*.

Поскольку у КПСС и её соответствующих структур за 73 года её господства не хватило философско-аналитической компетентности, чтобы различать субъективные интересы и потребности индивидов и ОБЪЕКТИВНЫЕ интересы и потребности *эпохи* (и она всё время делала упор на субъективные потребности индивидов), – как это и сегодня делают организаторы реформ, то эта партия, – *декларировавшая* свою приверженность объективной истине, а на деле впавшая в политику потакания субъективный интересам бюрократов и люмпенов и – субъективной истине, – потерпела крах. Нельзя изменять объективной истине, ибо это означает измену законам истории.

Такой же крах ожидает и политику реформ наших уважаемых экономистов-реформаторов, ибо они тоже не различают значения объективного и субъективного в нашу эпоху.

А теперь можно и нужно ответить на вопрос, что же составляет ГЛАВНОЕ в нашу эпоху, то есть – *какой* ИНТЕРЕС должен ДОМИНИРОВАТЬ над всеми другими интересами? Чтобы реформы состоялись и, следовательно, чтобы наше общество перешло в новую МЕРУ культуры труда, необходимо сделать

ДОМИНИРУЮЩИМ интересом всего периода реформ – **интерес** повышения дееспособности индивидов и коллективов,

интерес формирования творческих личностей и творческих коллективов,

интерес развития способностей и талантов как можно большей массы людей. Всё это – *объективные* интересы и потребности нашей эпохи, ибо никто из индивидов субъективно не ощущает в себе таких интересов и потребностей в качестве доминирующих, да и не доминирующих почти никто – тоже.

И ещё: объективные интересы и потребности нашей эпохи состоят в том, чтобы создавать «механизмы» (далее эти «механизмы» будут называться «социальной технологией», «социально-интеллектуальной технологией», «системой отношений развития» и «социально-интеллектуальной революцией»), *непосредственной* задачей которых является – формировать новую меру культуры труда и развивать и реализовывать как можно большую массу способностей и талантов.

Если в системе экономических отношений главной категорией является *стоимость* рабочей силы, то в системе отношений развития главной категорией является ЦЕННОСТЬ человеческой личности, ЦЕННОСТЬ ТАЛАНТА, не имеющая менового эквивалента. И именно за счёт развития *ценностных отношений* (= или «отношений развития»), можно изыскать те резервы производительности, которые, – как бы она ни билась, – не в состоянии обеспечить экономика, так как она опирается на недостаточно развитые человеческие созидательные силы, особенно в нашем обществе, претерпевшем громадный социально-культурный ущерб и отстающем от Запада в технологическом отношении.

Теперь рассмотрим проблему экономики как сущности социальных отношений в аспекте национальных конфликтов, разрастающихся на громадной территории от Югославии до Таджикистана. Итак:

Пример второй. Конфликты между Сербией и Хорватией, или борьба в Боснии и Герцеговине, – а у нас аналогичные конфликты в Карабахе, в Южной Осетии, в Абхазии, в Приднестровье... имеют ту же глубинную природу, что и конфликты в Югославии, – происходят *на экономической основе*. И это свидетельствует, что экономический базис, экономическая фундаментальность в общественном жизнеустройстве – отнюдь не безупречна. Если экономический тип отношений допускает такие конфликты, то это серьёзная причина для критического осмысления таких фактов и их оснований, для критики экономики как исторической формы организации общества.

Вряд ли можно считать «решением» во всех этих случаях такой подход, когда военный конфликт хотят остановить введением «разделительных батальонов» или «голубых касок» ООН? Если это «лечение», то – «лечение» симптоматическое, то есть – не затрагивающее экономических причин конфликтов, ставших конфликтами военными. Почти на поверхности лежит вывод, что если не преобразуются экономические причины, то «огонь таится под пеплом». И, очевидно, надо сделать вывод, что радикальное решение – это такое решение, *когда надо* «*снять экономику*» как фактор, порождающий военные конфликты, что надо, как минимум, указать на экономику как на «причину зла».

Но тут возникает проблема логического характера: подобно тому, как невозможно разрешить по-человечески *военные* конфликты *военными* средствами, так и *экономические* реформы невозможно по-человечески осуществить *экономическими* методами.

Если этого не понять сегодня, если не «схватить», что «МЕРА суждений» должна быть иной, новой, неординарной, то нашу страну ждёт судьба Югославии. Тем более что с Югославией у нас – громадное сходство: тот же многоэтнический состав населения, то же многоконфессиальное строение духовных ценностных моделей, тот же постсоциалистический кризис нравственного и социально-политического сознания, тот же славянский темперамент в отношении к «смыслу жизни» и та же недостаточная просвещённость масс населения по вопросу о логике и законах истории.

Впрочем, этот последний момент является слабым пунктом для всего человеческого сообщества. Если было бы иначе (т.е. – если бы этой слабости не было), то ООН **НЕ просто** посылала бы «голубые каски» в районы конфликтов, а *ещё и* предлагала бы идеи и программы, способные примирить, объединить и вдохновить их на совместную деятельность по реализации гуманистических программ, адекватных будущему.

Что же разъединяет народы? Их разъединяет экономика и связанный с этим феноменом эгоизм (национальный, региональный, партийный и персональный). Понятие «экономика», как и понятие «социального начала» у нас опошлено до предела и превратилось в некую расхожую банальность: понятие «экономика» произносится с такой же лёгкостью, словно люди «плюют через губу»: всем кажется, что они знают, что такое «экономика»; экономика – это всем *известное*. Но, как говорит Гегель, «известное вообще – от того, что оно *известно*, ещё *не познано*. Обыкновеннейший самообман и обман других – предполагать при познавании нечто известным и довольствоваться этим»[2]. У нас же довольствуются «известным», когда трактуют об экономике.

На самом же деле «экономика» – это феномен, так сказать, «четырёхэтажной сложности», а не нечто плоское, когда «экономику» сводят к финансовой стабилизации или к рынку или к приватизации и к отношениям товаровладельцев, являющихся собственниками своих средств производства. «Безразмерные», т.е. внеисторические, трактовки «экономики» надо отвергнуть, ибо тогда и у курицы, которая несёт яйца, есть «экономика». Экономика имеет следующие четыре «этажа»: 1) отношения частной собственности – верхний «этаж»; 2) система общественного (или, лучше сказать, мануфактурного) разделения труда – второй (сверху) «этаж»; 3) адекватная экономике система технологии – это неорганические технологии, способные лишь *частично* трансформировать предмет труда, вследствие чего доля человека (индивида) в произведённом с его участием продукте, является частичной, или *частной* долей: так технология порождает частную собственность; 4) частный стяжательский интерес, который является движущей силой всей системы экономических отношений – это – четвёртый «этаж» феномена экономики.

Система общественного разделения труда порождает свои следствия: обмен и необходимость обмена и меновую стоимость и деньги как мерило стоимости.

Все эти «параметры» экономики составляют целостность. А каждый «элемент» этой целостности – важный аспект экономических отношений. Экономика как система эгоистических интересов – есть историческое следствие относительно низкой культуры труда, недостаточной его производительности. Высокая культура труда, высокая производительность, высокое развитие способностей личности, достигшей статуса «эффективного человека», приведут к утрате доминирующей роли экономических отношений в системе человеческих отношений.

---

[2] См. Гегель. Соч. М., 1959, т. IV, с. 16.

И к этому сегодня уже складываются предпосылки, связанные **с реализацией достижений** трёх указанных выше научно-технических революций. Но экономика как система взаимоотношений людей, будучи биполярной (как это отмечено в первом письме), в то же время **и репродуктивно-консервативна** из-за того, что в экономических решениях, в экономических связях и интересах акцент делается на *меновой* стоимости *товара*, но отнюдь НЕ на повышении потребительной стоимости человеческих сущностных сил (т.е. – НЕ на повышении ЦЕННОСТНЫХ характеристик личности, НЕ на повышении ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КАЧЕСТВ как приоритета всех приоритетов). Мотивы *меновой* стоимости (и, следовательно, денег) явно и репродуктивно-консервативно доминируют. Поэтому реализация достижений всех возможных НТР допускается только в той мере и под давлением только тех мотивов, которые исчисляют, рассчитывают решающий вывод: а насколько и как это скажется на меновой стоимости, которую стремятся получить *меркантильно* ориентированные субъекты экономики. Меркантильно! Но отнюдь не гуманистически ориентированные!

Прогресс в области научно-технических достижений происходит, НО – *не в том историческом темпе, как это было бы, если бы акцент делался на повышении ценностных характеристик личности, как если бы доминировала погоня за развитием ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КАЧЕСТВ*! Доминирует же погоня за *меновой* стоимостью товара (за высокой, если его производитель – монополист на рынке, за низкой, если ему приходится конкурировать с другими товаропроизводителями). Но ни в том, ни в другом случае гуманистические цели не выходят на первый план. Всегда на первом плане цели меркантильные. Поэтому-то экономика как тип социальных отношений – репродуктивно-консервативна. Произошли три грандиознейших НТР, а мы всё ещё сидим на мели Меновой Стоимости, хотя эти три НТР содержат в себе громадный потенциал развития человеческих сущностных сих, потенциал развития ЦЕННОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ, которые заведомо превосходят любой меновой эквивалент!

Из этого уже ясно, что стратегическая задача реформ и стратегическая программа реформ должна заключаться в том, чтобы создать «механизм», создать «технологическую систему», *непосредственно* сосредоточенную (*как на генеральном целеполагании*!) на том, чтобы всеми силами и средствами поднимать потенциал ценностных характеристик личности, потенциал способностей и талантов каждого нормального человека, так как в экономмистике непосредственно это осуществлено быть не может.

Я бы не стал каким-либо образом вмешиваться, а тем более советовать увольнять или освобождать Е.Гайдара, который (хоть и ненавязчиво) носится со своим «лукошком экономической премудрости»... Кстати, «лукошко премудрости» – это выражение Д.И. Писарева. Оно звучало уже в нашей российской публицистике. И ничего: никто не умер. Ныне оно позволяет подчеркнуть (чтоб стало яснее), что задачи, объективно стоящие перед нашей страной, *столь громадны*, что с «лукошком экономической премудрости» их не разрешить.

Самое же главное в этом моём выпаде против «лукошка» (но не против Гайдара, ибо «лукошко» досталось нам исторически: ещё Ленин, как уже говорилось, надеялся на экономике обосновать будущее общество), заключается в том, что на «двухколёсном велосипеде» экономики (с «колёсами» меновой и потребительной стоимости товара) нам ни Америку, ни Японию не догнать и за 200 лет! А если Россия в считанные годы не догонит (в полтора-два десятка лет) этих двух индустриальных гигантов, переходящих уже в стадию постиндустриализма, ТО это будет мировой «конец света». Поэтому (потому-то и оттого-то) мы ДОЛЖНЫ догонять, чтобы не только догонять, но и другим народам давать НАДЕЖДУ, что догнать можно,

ибо это сегодня ГЛОБАЛЬНАЯ общечеловеческая гуманистическая миссия России (об этом говорят сами американцы, например Джейн Фонда, выступая по московскому телевидению в начале 1992 г. и др.).

Наиболее чуткие представители мировой науки и культуры чувствуют, что с зиждительными принципами американского жизнеустройства и хозяйствоустройства – не всё в порядке – с гуманистической точки зрения. Поэтому вопрос о том, чтобы «догнать Америку» – это не экономический вопрос (разрешимый БУДТО БЫ экономическими методами!). Это гуманистический и общечеловеческий вопрос, ибо догнать надо совершенно оригинально и, так сказать, – «по-нашему», «по-российски», **чтобы из этого выкристаллизовалось** *открытие* для ВСЕХ, что в этом мире возможны гуманистические решения, **превосходящие по своей эффективности решения экономические!** И иным способом русский народ не поднять, если не растолковать ему его общечеловеческую гуманистическую МИССИЮ.

Сегодня человечество столкнулось НЕ с экономическими проблемами только (как это казалось, чудилось, мерещилось экономически ослеплённому интеллекту «идеологов перестройки», линию которых продолжают члены команды Гайдара), а прежде всего и главным образом – с проблемами необходимости новой МЕРЫ культуры труда и с проблемами социально-интеллектуальной революции, которую надо осуществить в умах миллионов людей, чтобы они поняли эту НОВУЮ МЕРУ культуры труда и чтобы масса ПРАВИЛЬНО понимала «направление удара» и, ПОНИМАЯ, проявила бы смётку, вдохновение, энтузиазм, свою выдумку и **нацеленность на общее благо**. Русский народ – народ артельный, и одни только эгоистические мотивы его не всколыхнут, не поднимут на уровень мессианской деятельности. Этого-то и не понимают «Гайдар и его команда», которые сочли, что «эгоизм западного типа» и у нас «сработает на 100%». Но он не работает: народ равнодушен к ТАКИМ реформам. Да и «реформы» не предполагают активного участия народа. В них роль «паровоза» отведена не народу, а рублю: недаром говорится о «монетаризме». И если понимать эпоху, то всё это – не в духе эпохи. Однако монетаризм преподносится с пафосом научной премудрости. И это в 1992 г., в наших условиях надо рассматривать как прогресс в области теории, потому что, например, в 1985 г. инициатор «перестройки» уважаемый М.С. Горбачёв вообще не имел никакой теории. В докладе на Пленуме ЦК КПСС 15 октября 1985 г. «О проектах новой редакции Программы КПСС...» М.С. Горбачёв, исходивший «из ленинских принципов построения Программы партии» на период «на 1986-1990 годы и на период до 2000 года», полагал, что такая программа должна «быть свободной как от излишней детализации, беспочвенной фантазии, так и от книжной премудрости, игры в дефиниции»[3].

Так что в проектах своих разработок программы на будущее (аж до 2000 г.) М.С. Горбачёв был свободен и от «лукошка», и от «премудрости». Поэтому-то, задолго до 2000 года он и оказался не у дел.

Оказалось, что без «премудрости» никак нельзя, а тем более – без «книжной», да и без дефиниций – тоже.

Таким образом, то, что у Гайдара есть и «премудрость» и «лукошко», – *как бы этого* (по меркам эпохи) *ни было мало*, – это уже прогресс.

Вообще же надо сказать обо всех деятелях Политбюро, писавших это слово с большой буквы, что им органически было недоступно усвоить ту «книжную премудрость» сочинений Маркса и Энгельса, в верности которой они декларативно клялись. А это ведь есть общий показатель интеллектуального потенциала вообще. Так что выражения «книжная премудрость», «игра в дефиниции» – **это ярчайшие признаки неприятия и**

[3] См. Горбачёв М.С. «Избранные речи и статьи». М.: Политиздат, 1987, т. 3, с. 7.

непонимания теоретического мышления вообще. Именно социально-интеллектуальное теоретическое банкротство привело М.С. Горбачёва к политическому банкротству.

В России ныне нельзя обойтись без больших теоретических идей, без историзма мышления, без способности найти глубинные внутренние связи между «вещами», казалось бы, отделёнными друг от друга, ибо страна наша **уже давно находится НАКАНУНЕ** *социально-интеллектуальной революции*, и только засилье в верхах теоретических бездарей, прибегающих во всех случаях жизни к чувственному созерцанию, – мешает ей осуществиться как революции в интеллекте.

Содержание этой социально-интеллектуальной революции должно сосредоточиться, разумеется, вокруг *адекватной нашей эпохе* ТЕОРИИ СОЦИУМА, так как экономическая теория социума, адекватна прошлой исторической эпохе, основные признаки которой гениально уловил ещё Антуан Барнав, ученик Шарля Монтескьё и в чём-то предшественник Карла Маркса, который, с его критикой политической экономии, заглянул уже в нашу эпоху.

Адекватная нашей эпохе теория социума (как теория, ведущая социум в XXI век и содействующая становлению его гуманистических устоев, а не как теория товарного производства!) должна включать в себя три момента:

1. Развитие дееспособности и талантов личности и – соответствующих форм организации деятельности для достижения этой цели,

2. Развитие дееспособности и эффективности семьи как условия формирования «эффективного человека». Вообще необходим ренессанс семьи.

3. Развитие органических и сверхорганических технологий, создающих новые условия для развития человека, культуры труда, для развития семьи и, следовательно, – экономики.

Экономику в рамках адекватной теории социума надо рассматривать как *зависимую переменную*, как функцию. А активность масс людей, вдохновлённых гуманистическими целями, сосредоточенными на развитии творческого потенциала личности, – как аргумент.

Общество должно иметь высокую и благородную цель. Практическое «направление удара» этой революции должно быть выражено в приоритете принципа «эффективного человека», а не в приоритете принципа «эффективных денег».

Социально-интеллектуальная революция как предпосылка реформ обусловлена сегодня тем, что современное человечество оказалось вдруг не в «мире хозяйства» (с доминирующими в нём экономическими связями и законами), а в мире глобальных проблем современности, которые экономически не решаемы и экономически неразрешимы (ибо биосфера, озоновый слой, глобальное потепление, демографический взрыв роста населения, экологические проблемы – не имеют стоимости и менового рыночного эквивалента) **и объективно требуют принципиально нового потенциала творческой дееспособности людей** (человека, коллектива, социума), чем тот потенциал, который могут дать экономически детерминированный человек, экономически детерминированный коллектив, экономически детерминированный социум.

Если теперь, после всего сказанного, вернуться к проблеме межнациональных и межгосударственных конфликтов, которые завязываются на экономической почве (и в рамках экономически обусловленного бытия) и не могут быть на этой почве разрешёнными, ТО следует сделать вывод, что сам факт этих конфликтов означает, что эпоха (история) изживает экономику как недостаточно *эффективную* основу жизни

и что мы на самом деле имеем перед собой глобальные проблемы современности, разрешимые каким-то новым способом. Сверхэкономическим. Метаэкономическим. Включающим экономику. Но – не сводящимся к ней!

Глобалистическая сущность этих проблем заключается в том, что экономика как система, ставящая деньги выше человека, по природе своей не в состоянии обеспечить такую производительность, которая бы в ГЛОБАЛЬНОМ объёме дала бы всем народам И достаток, И экологическое благополучие, И защиту от болезней, И мирное существование. Нет и не может быть *при экономических отношениях* в ГЛОБАЛЬНОМ объёме такой культуры труда, чтобы ВСЁ было хорошо у ВСЕХ. Благополучие при экономике всегда создаётся за счёт кого-то, ибо конкуренция имеет эгоистический и даже антагонистический характер.

Экономика, относительно сдерживая развитие личностных творческих сил, создаёт глобальный кризис благополучия и, тем самым, межнациональные конфликты по поводу собственности на территорию, т.е. на земельные угодья.

Ведь это же абсурд, что карабахские армяне живут на азербайджанской земле. Но этот абсурд поддерживается в азербайджанском народе потому, что перед всеми стоит угроза недостаточной обеспеченности средствами к существованию. Экономика в нашу эпоху не работает с должной отдачей.

В скелете экономики заключены три важнейших структурных элемента: 1) неорганическая технология, 2) разделение труда, обусловл**енное** характером этой технологии и обусловл**ивающее** узкий профессионализм человека, 3) стоимостные оценки произведённого человеком продукта, составляющие основу обмена, торговли, рынка.

Главная причина недостаточности экономического характера производства и производительности состоит в том, что ТОТ тип разделения труда, который вытекает из неорганических технологий, не позволяет формировать *тот* потенциал дееспособности личности и те человеческие качества индивидов, которые ныне объективно потребны и которые только и смогут сделать экономику эффективной.

По идее должно было быть так, чтобы каждый человеческий индивид *резонировал* на назревшие объективные потребности эпохи и соответствующим образом эволюционировал бы как деятельный субъект, то есть развивался бы в духе наступающего времени. На деле же мы имеем другую картину: каждый человеческий индивид *резонирует* на свои субъективные потребности, которые стары, как мир, которые являются экономически обусловленными и равны стоимости заработной платы. На деле положение таково, что каждый человеческий индивид в своём деятельном выражении «выкроен», так сказать, по модели разделения труда и приобретает ту ограниченность сил и способностей, которая задана состоянием разделения труда и набором потребностей, умещающихся в индивидуальной «потребительской корзине». Именно потому, что (*при существующей системе разделения труда*) личность не приобретает необходимого (необходимого по меркам эпохи, по критериям объективной динамики истории) потенциала культуры, не развивает в необходимой степени свой интеллект и способности, не получает достаточно универсального образования и не подвергается с раннего возраста необходимому воспитанию, – экономика, которая лишь эксплуатирует личность (как она столь же бездумно эксплуатирует природу), НЕ *имеет* в своём распоряжении такого «объекта эксплуатации», который обеспечивал бы ей высокую ОТДАЧУ. По идее реформы затеваются ради того, чтобы иметь отдачу, во много раз превышающую ТУ, что сегодня даёт эксплуатируемый индивид, не прошедший систематического возвышения в творческую личность. Экономика по самой природе своей (как говорят, «по определению») – в отношении к человеку – «не созидательна» и не гуманна, так как её задача и цель – ИЗЫМАТЬ, *а отнюдь не развивать гуманистические качества человеческих существ*.

В самом составе экономики нет отношений развития, а есть лишь отношения производства, распределения, обмена, потребления и накопления. И всё это – в денежном выражении.

Отношений развития нет в составе экономики. **Но в этом ракурсе никто из экономистов-реформаторов до сих пор не посмотрел на экономику**. И эта «слепота» – примечательнейший факт: суть этого факта в том, что мы имеем в данном случае дело с *экономическим мышлением*, то есть – с такой рефлексией, которая асоциальна и антигуманна, ибо не собирается: а) утверждать высшую культуру труда – переводить труд в новую МЕРУ отношений; б) не собирается в качестве приоритетной цели осуществить превращение утилитарно ориентированного индивида в гуманитарно-творческую личность; в) не собирается в качестве приоритетной цели и средства возродить семью; г) не собирается видеть в экологии – приоритет.

Но если экономика в отношении к человеку не созидательна и не гуманна, то как это возможно (из какой логики вытекает?), чтобы на основе экономической парадигмы предполагать и полагать успешные реформы в нашем обществе, когда заведомо ясно, что более высокая и более качественная производительность зависит от социального развития ЧЕЛОВЕКА, а *не от рубля*. Ибо рубль развиваться не может, а тем более – социально. «Эффективные деньги» Е. Гайдара – это миф, если систематически и в массовом порядке не повышается «эффективность человека». В свою очередь – «повышение эффективности человека» может иметь «товароцентрическую ориентацию» (это как раз то, что имеют в виду наши уважаемые экономисты, полагая, очевидно (и ошибаясь в этом), что стеснённость в денежных средствах как средствах платежа побудит людей изощряться в товаропроизводстве, проявлять предпринимательскую инициативу и т.п.), а может иметь и гуманистическую ориентацию. А гуманистическая ориентация означает, что каждый человеческий индивид должен, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, «резонировать» (= откликаться) на объективные потребности эпохи человечества, вступающего в XXI век. Именно – на ОБЪЕКТИВНЫЕ потребности эпохи, так как «ориентация товароцентристского толка» есть ориентация на субъективные потребности индивидов, кои экстенсивны по природе своей: есть, пить, одеваться, иметь жилище, иметь «иномарку»... – это сегодня не бог весть какая новизна и не содержит даже в сумме своей стимулов и мотивов поведения, побуждающих к социальному (= социально-культурному) развитию человека. И, следовательно, НЕ создаёт ИСТОЧНИКА для перехода социума в НОВУЮ МЕРУ бытия (о чём уже было упомянуто и в письме первом и в этом). И так как перед человечеством сегодня вырисовывается перспектива, состоящая не только в том, чтобы обеспечить себе пропитание и вещевое благосостояние (чем, собственно, и занимается экономика), но и в том, чтобы изменить к лучшему экологические, демографические, медико-биологические, социально-культурные обстоятельства бытия своего, которые напрямую от экономики не зависят,[4] – то, выстраивая адекватную эпохе концепцию реформ и думая о методах реформаторской практики, – следует на первое место поставить не «эффективные деньги» (и не «эффективные приказы», как это характерно для тоталитаризма), а «эффективного человека». Но это ни в коем случае не означает, что под таковым подразумевается эффективный товаропроизводитель.

Под «эффективным человеком» следует подразумевать такую человеческую личность, которая осознаёт ограничивающее влияние имеющейся системы разделения труда и стремится преодолеть этот «ограничивающий фактор». – Это – необходимый шаг в разработке концепции реформ: осознав значение разделения труда как ПРИЧИНЫ, которая препятствует становлению того потенциала дееспособности человеческой личности и – тех человеческих качеств индивидов, которые только и смогут сделать экономику эффективной, мы сможем и в теории и в практике идти вперёд и дальше.

[4] Ибо в лоне экономики не могут сложиться и состояться резервы и средства для решения таких проблем.

Экономисты-«товаропроизводители» (или «товарники», как их называли одно время) не создают себе заботы, чтобы углубляться до таких проблем, как система разделения труда, возникшая вместе с мануфактурным принципом технологии и организации производства товаров. И не делают они этого (углубления своих понятий) потому, что у них весьма скудные знания о технологии, о её эволюции (да и вообще потому, что технология – это к тому же не предмет экономического мышления: «политическая экономия – не технология» – могли прочитать наши уважаемые экономисты у Карла Маркса, так как свои докторские диссертации они основывали на текстах Маркса: см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 712. А это ныне – ошибочное суждение. Сегодня необходима адекватная технологическая политика.

Сегодня, когда мир не только изменился, но в известном смысле даже «*перевернулся*», о технологии и о разделении труда назрела необходимость *фундаментального* разговора... если мы что-либо хотим понять в реформах, *предстоящих нам*... объективно. Наши уважаемые экономисты ошибаются, полагая, что при помощи финансовых рычагов и приёмов им удастся зажать человека в экономические клещи и, таким образом, заставить его сосредоточиться исключительно на зарабатывании денег как на смысле всей его жизни. Ныне – не XVII век, а конец XX-го, и в мире появилась целая цепь совершенно новых ценностей, немыслимых прежде, в эпоху монетаризма, меркантилизма и утилитаризма, хотя, конечно, меркантилизм и утилитаризм не исчезли из сферы индивидуального притяжения. Во всяком случае, финансовый нажим ныне не может более быть тотальным орудием управления человеческим поведением, так как произошёл впечатляющий рост духовных ценностей и интересов, и с развитием гуманитарных наук и их практического приложения к оптимизации социума – роль социокультурных мотивов поведения будет возрастать.

Особенно надо указать на роль сверхорганических, или социально-интеллектуальных технологий, о которых речь пойдёт впереди. Но уже сейчас должно быть ясно, что экономика не является единственной сферой человеческой жизни и что сама она зависит от уровня культуры, от типологии труда, от состояния семьи и т.д.

Есть ещё один аспект современной мировой истории, который делает **проблему** соотношения технологии и разделения труда в высшей степени актуальной. Это **проблема** соперничества США и Японии в области экономики. Недавно нью-йоркский журнал «Форчун» опубликовал статью, посвящённую книге «В тени восходящего солнца», разрекламированной осенью прошлого года и написанной Уильямом Дитрихом, менеджером сталелитейной промышленности в Питсбурге. Статья в «Форчуне», появившаяся почти через год после выхода книги, говорит, что в книге затронуты отнюдь не второстепенные проблемы преходящего значения. Процитирую несколько отрывков из упомянутой статьи, перепечатанной у нас в «За рубежом» № 29, сентябрь 1992 г.: «Аналитики ожидают, что темпы роста валового внутреннего продукта Японии станут по-прежнему опережать аналогичный американский показатель на один или два процента в год. Если принять, что эти темпы роста в Японии будут выше американских на 2 процента, а стоимость доллара по отношению к иене будет ежегодно падать на скромный один процент, то тогда к 2010 году страна размером в штат Монтана и с населением, вдвое уступающим по численности американскому, будет иметь экономику, превосходящую экономику Соединённых Штатов. Этот день настанет, возможно, даже скорее, если экономический рост Японии будет несколько медленнее, но доллар станет падать несколько быстрее».

«Так что самое время сейчас задаться вопросом: что же произойдёт, если Япония станет триумфатором, затмив Америку? Мощь Страны восходящего солнца определяется не только объёмом валового продукта, но также и доминированием в технологиях, *жизненно важных для экономического роста в будущем* (курсив мой. – Н.Н.). Как это скажется на геополитике всеобщей безопасности, мировой экономике, повседневной жизни людей?»

«Большинство ответов в настоящее время слышны от тех, кто поставил себе целью осознать потенциальную опасность. В книге Майкла Кричтона «Восходящее солнце», которая занимает сейчас второе место в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс», даётся такая картина. Японские корпорации оказываются способными закрывать университетские лаборатории в других странах, влиять на публикации газет и шантажировать антияпонски настроенного кандидата в президенты США, тайно готовя его убийство. Они уже привычно заваливают мир товарами по демпинговым ценам и прибегают к прямым инвестициям, для того чтобы обеспечить себе контроль над ключевыми технологиями, лишая США перспективных новых производств».

Невольно должен возникнуть вопрос. У нас: «Если экономика таких двух наиболее развитых стран, как США и Япония, в конце концов приводит к таким последствиям и таким коллизиям, то стоит ли нам выбирать в качестве образца для подражания ЭКОНОМИКУ как СУЩНОСТЬ, коль она ведёт к таким «конечным результатам», которые явно бесчеловечны?!

Упомянутый уже Уильям Дитрих «предвосхитил мрачные пророчества Кричтона. Дитрих рисует мрачные картинки того, какой в 2015 году может стать жизнь при «Пакс Ниппоника». Япония, пишет он, накинет удавку на все опережающие технологии. Она будет контролировать около 40 процентов американских производственных фондов и 50 процентов американских банков, эффективно определять американские процентные ставки, уровень правительственной задолженности и обменные курсы валют. И ещё одно. Япония изменит свою конституцию и начнёт производить ядерное оружие».

И если американцы задумываются об этом, будучи в гораздо более благоприятном экономическом положении, нежели мы, то надо прямо спросить наших инициаторов экономической реформы, наших уважаемых экономистов: «А способны ли они мыслить?» Или же они действуют по «принципу»: «Вали кулём – потом разберём»? Скорее всего – они «валят кулём», не разбираясь ни в сущности эпохи, ни в сущности экономики.

Американцы обеспокоены вопросом о том, неужели же то, о чём пишут в своих книгах У. Дитрих и М.Кричтон, и в самом деле наиболее вероятные сценарии?

«Для того чтобы ответить на такой вопрос «Форчун» проинтервьюировал десятки крупных руководителей бизнеса, учёных, бывших официальных лиц правительства, а также консультантов.

Выводы, к которым пришла обеспокоенная редакция «Фортуна» таковы: «хотя последствия того, что сейчас происходит (при условии сохранения нынешних тенденций), по всей вероятности, и не будут столь безотрадными, как это утверждают сторонники «панического направления», они, тем не менее, вызывают беспокойство». (См. «За рубежом», 1992, № 29, с. 13.)

Но это – для США, с их экономической и научной мощью. Если же осмыслить описанную ситуацию применительно к нашей стране, применительно к нашим экономическим, научным, производственно-культурным данным, то выводы, конечно, надо будет сделать гораздо более жёсткие.

А это значит, что ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ нас из той трясины, в которой мы оказались, не вытащат. Они нас не вытащат потому, что экономика как сущность делает **акцент** на ИЗЫМАНИИ прибавочной стоимости, а не на возвышении и развитии дееспособности и творческого потенциала личности; экономике у нас надо несколько столетий, чтобы объявились те результаты, которые имеются в наличии у стран «семёрки». – Но и тогда конкурентная борьба идёт не на жизнь, а на смерть! – Так что образец для подражания наши уважаемые экономисты изыскали не там, где надо искать. Стратегия оказалась липовой!

Она изначально не могла не быть липовой, поскольку игнорирует человека. Ибо «эффективные деньги» создали «запор мышления». Надежды возложили не на то, на что надо возлагать.

А теперь – самое время продолжить разговор о технологии и о разделении труда. И пусть не покажется, что автор этих строк третирует наших уважаемых экономистов, заявив, что у них «весьма скудные знания о технологии». Знания о технологии весьма скудны не только у них, но и у американских и у японских экспертов в области технической политики, да и у государственных деятелей этих стран, ибо они знают технологию *лишь эмпирически*. А надо знать *ещё и* социально-философски, социально-прогностически, теоретико- и практико-методологически... Но кто это в наш век, с его «методологией проб и ошибок», станет отягощать себя трудностями философского постижения технологии? Легче ведь пробовать... и ошибаться!

Прежде всего, надо отметить терминологическую бедность и недостаточную сущностную определённость по вопросу о технологиях. Термин «технология», как он фигурирует в речевом обиходе, не сопровождается обычно вопросом о том, какая технология имеется в виду, ибо «всем и так всё ясно». Проблема социальной сущности технологии в нашем, да и в зарубежном, социологическом знании фактически не раскрыта. Социологи, политики, экономисты, политологи, историки, несмотря на многообразие их точек зрения по другим вопросам, касающихся общества, в вопросе о технологии солидарны, видимо, с примитивной позицией И. Сталина, который писал о том, что техника и технология «проявляют своего рода безразличие» к классам и к социальным системам и равно обслуживают противоположные классы как старые, так и новые. (См. Сталин И.В. «Марксизм и вопросы языкознания». М.: Изд. «Правда», 1950, с. 31.) Это совпадение с точкой зрения Сталина – поразительно!

Определения, которые встречаются вместе с термином «технология", фактически совершенно неопределённы в социально-сущностном и, так сказать, в цивилизационном отношении. Говорят: «опережающие», «высокие», «ключевые» технологии. Но в этом ведь очень мало смысла. Сам термин «технология», как он бытует в массовом сознании, обозначает нечто техническое или нечто машинное. Толковый словарь иностранных слов определяет технологию как искусство, мастерство, как «совокупность знаний о способах и средствах проведения производственных процессов, например, технология металлов, химическая технология, технология строительных работ и т.д.»

Предполагающимся всегда признаком «технологии» (как, впрочем, и понятия «техника») является её направленность *вовне*, на предмет труда – как действия на *внешнюю* среду. Выше, при цитировании материала из журнала «Форчун», мною были выделены курсивом слова о Японии с её «доминированием в технологиях, *жизненно важных для экономического роста в будущем*». Надо ли эту отнесённость технологии к «экономическому росту», демонстрируемую как в прошлом, так и сейчас, считать всегдашним её признаком? Ясно, что с наступлением новой исторической *эпохи* и вступлением в XXI век невозможно уже больше удовлетворяться недифференцированным понятием «технологии», целиком подчинённым мотиву «экономического роста» и – как деятельности, направленной вовне.

Чтобы понимать БУДУЩЕЕ и сознательно подходить к нему, необходимо различать **три типа технологий:** неорганические, органические и сверхорганические.

I. Неорганические технологии – это такие производственные процессы, которые основываются на использовании законов механики, физика и химии. Эти технологии обладают частичным технологическим действием и поэтому порождают «подетальное» разделение труда. К неорганической технологиям надо отнести также термические процессы в металлургии и в кузнечном деле, обжиг кирпича и гончарной посуды, различные энергетические трансформации (превращение теплоты в силу пара и т.д.). Именно с

неорганическими технологиями связана частичная профессиональная специализация – узкие профессии, которые не создают законченного продукта в производстве, и поэтому таковой создаётся на основе кооперации многих **частных** профессий. Неорганические технологии поэтому являются источником **частной** собственности и денег как мерила стоимости частного продукта и частных трудовых затрат. «Разделение труда и частная собственность это тождественные выражения: в одном случае по отношению к деятельности говорится то же самое, что в другом – по отношению к продукту деятельности» (М.К. и Э.Ф. Соч., т. 3, с. 31). Именно в этом состоит фундаментальная основа частной собственности, хотя многие люди полагают, что «частная собственность» создаётся декретом или указом государственной власти. Надо, конечно, понимать, что только такие декреты и указы как юридические акты действовали адекватно эпохе, когда они соответствовали фундаментальным отношениям разделения труда. С другой стороны: введение ленинским декретом так называемой «общественной собственности» при сохранении старого разделения труда, тождественного частной собственности, есть нонсенс – свидетельство того, насколько Ленин и его последователи были некомпетентны в области фундаментальных положений марксистской философии истории. Поэтому-то большевистский социализм так катастрофически быстро развалился в 1991 году. Это вызвало удивление во всём мире. Это удивление есть, в свою очередь, свидетельство того, насколько слабы в мире понятия о роли разделения труда и о его связи с характером технологии. Большинство людей пребывает в состоянии иллюзорных представлений, что общественный строй зависит от характера политической власти.

Политическая власть, конечно, может при помощи ГУЛАГа, при содействии репрессивной судебной системы и палаческого корпуса прокуроров, следователей и КГБ – «держать» провозглашённый декретом общественный строй, но это ведёт к такой деградации сущностных сил общества, что катастрофа этого строя неизбежна. Основой всех существовавших до сих пор способов производства было разделение труда... КПСС проморгала значение разделения труда, так как в течение всего периода её господства от Ленина до Горбачёва считалось, что вопрос о власти есть основной вопрос «социалистической революции». А это уже не материализм, а политический идеализм.

Но вернёмся к вопросу о типах технологии и о судьбах разделения труда.

II. Органические технологии – это самые древние технологии, которыми пользовались люди первобытного родового общества, не создавая их. Это природные технологии биосферных созидательных процессов, основу которых составляет фотосинтез. Сегодня надо различать природные естественные органические технологии и искусственные органические технологии, создаваемые самими людьми.

Создание искусственных органических технологий (искусственный фотосинтез, за что в 1988 была присуждена Нобелевская премия трём западногерманским учёным, а также так называемая «генная инженерия» позволяющая получать инсулин и многие лекарственные препараты, и другие открытия в том же роде) представляет собой начало новой эпохи в технологических успехах человечества.

Социальная сущность искусственных биотехнологий выражается в том, что, в сравнении с неорганическими технологиями, они обладают неизмеримо большим потенциалом *интеграции труда*. Так, например, созданием более продуктивных животных, более высокоурожайных сельскохозяйственных растений, достигается эффект «объединения труда», иным способом вообще недостижимый. А это влияет на самого человека, на характер его духовных представлений, сберегает время труда и тем самым создаёт время для развития самого человека. Кроме того, искусственные биотехнологии направлены не только *вовне*, как это характерно для неорганических технологий, но обладают способностью влиять на самого человека, так как

позволяют бороться с болезнями на основе новых лекарственных препаратов, сохраняя тем самым массу человеческих жизней и массу интеллектуальных сил.

В целом же биотехнологии в их совокупности (естественные и искусственные) составляют такую мощнейшую основу производительной деятельности, без которой (основы) существование человека на Земле вообще было бы невозможным. А открытие людьми во второй половине XX века *самого направления научного поиска* в области искусственных биотехнологий *открывает* ПЕРСПЕКТИВУ такого нового по типу развития человечества, которое кладёт конец *господству* закона стоимости в человеческих отношениях, то есть – конец экономического диктата и экономического принуждения, о чём с такой тревогой говорится в упомянутой статье журнала «Форчун» и в книгах Майкла Кричтона «Восходящее солнце» и – Уильяма Дитриха «В тени восходящего солнца».

Искусственные биотехнологии – открывают в перспективе путь к *изобилию в производстве средств к существованию* и вместе с тем создают практическую (производственную) основу для более универсального развития человеческой образованности и культуры, так как биотехнологические процессы (с точки зрения их научного фундамента и с точки зрения профессиональной подготовки к ним) гораздо сложнее и, так сказать, «интеллектуальнее», чем это связано с механическими, физическими и химическими технологиями. Если это оценить социально-философски, то *изобилие*, «просвечивающееся» через эти органические технологии, снимает экономически-репрессивный характер в отношениях людей, а более высокая образованность людей, работающих в сфере биотехнологических процессов, сама по себе означает гуманизацию трудовой сущности человека и формирует у него более высокий строй интеллектуальных, нравственных и жизненных интересов. Одно дело, когда человек оперирует гаечный ключом и отвёрткой, как показано в кинофильме Чарли Чаплина «Новые времена», и другое дело, когда человек задумывается о хромосомах и генах, об РНК и ДНК, прибегает к помощи электронного микроскопа и включается в процессы генной инженерии. Это совершенно разные типы разделения труда. А в этом-то всё и дело, если *гуманистически выстраивать* перспективу человечества.

Но в головах наших уважаемых реформаторов нет такого понятия («**гуманистически выстраивать перспективу общества или человечества**»), как нет у них и понятия (и различения) «неорганических» и «органических технологий» (а тем более – «сверхорганических технологий»). И нет такой системы мышления, при которой с характером различных типов технологии связывалась бы *определённая структура разделения труда* (или – «*организации труда*»). Всех этих трёх моментов нет. Они, как экипаж корабля, который сел на мель, думают лишь о том, как с этой мели сойти, так сказать, в пространстве, и поэтому, если выстраивают перспективу, то и выстраивают её экономически, а не гуманистически (то есть не в историческом времени). Нет у них и понятия о том, что реформы должны осмысливаться как качественный сдвиг в развитии общества (и нет, тем более, мысли, что концепция реформ должна ставить вопрос о *новой МЕРЕ сложности общества после реформ*). И что: если «основой всех существовавших до сих пор способов производства было разделение труда», то основой реформированного общества должна быть интеграция труда, т.е. его объединение, усложнение, возвышение. И что это, в свою очередь, зависит от исторического развития технологии, с одной стороны, и от развития культуры и творческой свободы личности, с другой...

Ничего этого в их головах нет. Их мышление остаётся экономически-плоским. А поэтому смысл реформ, как он им рисуется, состоит в том, чтобы дать обывателям нажраться, насытиться, удовлетворить свои материальные телесные нужды и запросы. Для них – благо жизни – в служении телу. Так это было и в концепции сталинского социализма. В системе идей сталинского социализма идеалы и потребности старых господствующих классов *переадресовывались* рабочему классу и колхозному крестьянству. На этом вся

революционность и заканчивалась. И гайдарология (или гайдарономика) никуда от этого не уходит, ни к чему новому не ведёт.

Поэтому из-за такого, экономически-плоского, абсолютно внеисторического мышления, наши уважаемые реформаторы, *не схватывают,* что история всё-таки есть, что технический и технологический прогресс осуществляется, что меняются основы жизни социума и что поэтому переживаемая нами *эпоха расходится* с представлением о железно-экономически-детерминированном понимании общества и с пониманием происходящих в нём процессов как процессов экономических в основе своей.

Трактуя феномен «технологии» просто как «технологию» и не подразумевая под этим эволюцию от неорганических (механико-физико-химических и термических) технологий к доминанте технологий биологических, или – органических (а от них к доминированию технологий сверхорганических), наши уважаемые реформаторы, как теперь это уже совершенно ясно, не понимают, что со сменой исторических эпох меняются и социальные (= исторические) задачи человечества и что историческая задача человечества сегодня в нашем обществе заключается в том, чтобы традиционные цели осуществлять новым способом. Сегодня к *изобилию* средств к существованию надо идти *через развитие многообразных биотехнологий* (а НЕ через *высокие цены* на продовольствие, как это характерно для экономически зашоренных политиков, стремящихся угодить фермерам).

А развитие многообразных искусственных биотехнологий будет происходить в городе (в первую очередь), ибо только в городе можно подключить к этому – науки и исследовательские лаборатории и создать на основе искусственных биотехнологий интенсивные производства биомассы, совершенствуя параллельно сельские традиционные биотехнологические процессы (растениеводство и животноводство).

Как только будет осознано, что развитие искусственных (как и естественных) биотехнологий – это сегодня ключевой момент концепции реформ, то это повлечёт за собой развитие сверхорганических технологий, социально-интеллектуальных технологий, о коих речь впереди.

Развитие биотехнологий – это сегодня ключевой момент концепции реформ (хотя никто не отменяет значение и действие неорганических технологий) по следующим причинам:

а) биотехнологии – это сегодня прямой путь к изобилию и, следовательно, к снижению цен на продовольствие, а в перспективе – к его полному достатку;

б) биотехнологии, когда они будут доминировать, и основная масса самодеятельного населения будет занята в этой сфере, или благодаря их эффективности выбирать другой род занятий, означают новую систему разделения и организации труда в масштабе общества;

в) биотехнологии означает, когда они будут доминировать, что открывается дуть к более высокой культуре и образованности личности и к постепенной смене ценностных ориентация людей – от утилитарно-меркантильных к гуманистическим;

г) биотехнологии, когда они будут доминировать, означают, что с их развитием открывается перспектива фундаментального решения экологических проблем.

Фундаментальное отличие биотехнологий от неорганических (= индустриальных) технологий состоит в том, что неорганические технологии сопряжены с такой энергетикой, которая основана на сжигании органического топлива. В результате сжигания угля, нефти, природного газа, торфа, сланцев, древесины образуется углекислый газ, являющийся основной причиной парникового эффекта, с одной стороны, а с

другой, вместе со сжиганием угля и т.д. в окружающую среду попадает масса химических элементов, тяжёлых металлов, которые при биологических обменных процессах никогда бы не попадали в среду обитания человека и в его трофические (= питательные) цепи и связи.

Прежде всего, надо подчеркнуть, что экологический кризис, разразившийся в глобальном пространстве, есть следствие двух органически связанных факторов: 1) экономики, которая только ИЗЫМАЕТ ресурсы природы и человека, не восстанавливая и не развивая человеческих сущностных сил, ибо это восстановление происходит за пределами экономического времени; 2) следствие неорганических технологий, которые достигли в рамках индустриализма такого размаха, объёма и силы действия, что сравнимы по своему влиянию на биосферу и на человека – с геологическими катаклизмами. Но геологические катаклизмы протекают в интервале геологического времени, геологических эпох, а экологический кризис разразился в рамках социального времени, т.е. несоизмеримо быстро – вследствие индустриального развития наиболее развитых стран. Именно механико-физико-химический характер индустриальных (= неорганических) технологий, достигших силы геологических катаклизмов, – породил экологические проблемы и экологический кризис биосферы.

Нелишне напомнить, что механико-физико-химические технологии, способные лишь к *частичным* трансформациям предмета труда, породили такую систему разделения труда, при которой *частичный* продукт индивидуального (= разделённого) труда может стать фактором общественных связей людей только через стоимость этого продукта и только через *частичную* (= *частную*) собственность на него – то есть – через экономические отношения. Экономические отношения есть порождение неорганических (механико-физико-химических) технологий, вызвавших разделение труда, противопоставляющее людей друг другу как товаровладельцев и деньговладельцев, конкурирующих друг с другом за место под Солнцем. Из осмысления этого факта должна вырисовываться исторически прогрессивная роль биотехнологий, которые способны производить относительно ЦЕЛОСТНЫЙ ПРОДУКТ (в виде колоса пшеницы, початка кукурузы, банана на ветке дерева, ореха, клубня картофеля и т.д. и т.п.). Биотехнологии как способ производственной реализации законов более высокой и более сложной (биологической) формы движения материи, – чем законы её механических, физических и химических форм, – предопределяют более сложные и более высокие и более производительные формы человеческой трудовой деятельности, чем это возможно при господстве неорганических технологий.

Биотехнологии, однако, – не субъект истории и сами по себе не могут самоутверждаться, чтобы повлечь за собою все связанные с ними положительные последствия, да, к тому же, чтобы эти последствия происходили в том историческом темпе, который ныне необходим нашей стране, обеспечивая обществу в приемлемые сроки *действительную реформацию*.

Таким образом, на первый план опять выдвигается проблема «эффективного человека» и проблема экстенсивного и интенсивного развития, и, следовательно, проблема объективных интересов и потребностей эпохи. Ибо, как однажды заметил Гегель, «интересы движут народами». Но это – каждый раз исторически специфические интересы...

И сегодня, в современном историческом контексте, чтобы достичь широкого развития биотехнологий, а вместе с ними – интенсивного развития производства и формирования «эффективного человека» необходима «*опора*» на объективные потребности эпохи. И состоит эта «опора» в применении социально-интеллектуальных технологий (или – сверхорганических технологий), представляющих собою важную грань социально-интеллектуальной революции. Без нового состояния духовности, без нового состояния

социального интеллекта в нашу эпоху невозможны никакие адекватные социальные сдвиги, или положительные реформы.

III. **Сверхорганические или социально-интеллектуальные технологии.**

«Технология», если понимать значение этого термина в общефилософском смысле, состоит в использовании законов и форм движения материи для достижения определённых человеческих целей. Поскольку, в целом, субстанция нашей жизни имеет неорганическую, органическую и сверхорганическую (социальную) формы, то и технологии должны быть квалифицированы соответственно этому делению на три типа.

Но из этих трёх возможных форм технологий две типологические формы уже фактически в каком-то смысле реализованы. Что же касается третьей формы – сверхорганических (или социально-интеллектуальных) технологий, то они ещё не стали базисом жизненной самореализации людей. Для уха социолога часто все ещё непривычно звучит само выражение «социальная технология». «Механические технологии» (или «химические») – это понятно, так как означает применение законов механики в производственных процедурах (или законов химии, или – физики). Но с таким же правом можно говорить о применении законов наук социально-гуманитарного комплекса, хотя «продукт» в этом случае выглядит необычно: им должен быть «эффективный человек», «эффективная семья», «эффективный производственный коллектив», «эффективное общество». Разумеется, что социальные технологии должны быть определённым образом организованы и должны быть подготовлены специалисты в области социально-культурной организации субъектов «производства», или – в области культуры социума как процесса, регулируемого на научной основе. Это – необычно и вместе с тем – очень сложно. Но, тем не менее, это надо делать, и это должно быть сделано, так как в противном случае образовался бы разлад, дисгармония между постоянно возрастающим уровнем технологии по обработке предмета труда и безразличием по отношению к повышению уровня технологии (= подготовки) субъекта труда.

Если неорганические и органические технологии имеют своим предметом *вещи*, то сверхорганические (социальные и интеллектуальные) технологии имеют своим предметом отношения: субстанцию социума, коей является труд, и субъекта труда – т.е. человека, которого в современных условиях недопустимо более «оставлять на произвол судьбы», воздействуя на него лишь «рублём», «за душой» которого ничего человеческого нет. И в этом-то и состоит вся «соль» социальных технологий; они должны органически нести в себе момент духовности, момент ценностности человеческого начала, момент нравственного отношения к социальной действительности. Социальные технологии обладают той спецификой, что в них участвует интеллект, ибо и труд, и человек как предметы воздействия – это феномены, немыслимые без присущего им сознания. Следовательно, чтобы предмет этих технологий подвергся технологическому воздействию, в нём должна протекать социально-интеллектуальная революция. Важнейшим моментом этой революции является осознание, что ТРУД и ЧЕЛОВЕК – отнюдь не экономические феномены, и их невозможно выразить в стоимостных измерениях, если мы рассматриваем их с гуманистической (а не с утилитарно-меркантильной) точки зрения.

Экономика – это тоже технология. И эта технология имеет свои формулы. Кто не помнит такую: Д-Т-Д? Или вот такую:

I 4840c + 1210 + 1210 = 7260

= 10780 ?[5]

II 1760c + 880 + 880 = 3520

Но экономика с её формулами не признаёт в человеке никакой духовности, никакой нравственности, никаких ценностных ориентации, никакого творчества, никаких талантов и никаких идеалов, ибо человек в сфере экономики принижен, редуцирован и сведён к функции простой вещи, которая функционирует как вещь, которую можно оценить денежным эквивалентом в погоне за пользой.

Так что экономика, как технология, это – отнюдь не «социальная технология»! Ибо в социальной технологии подразумевается личность, личностность, индивидуальность, талант, призвание, творчество, откровение, дерзание, любовь, сострадание, мышление, истина, и добро, словом – социум во всей его сложности. Но – социум, научно управляемый так, чтобы максимально реализовывать все свои качества и силы.

Сегодня как раз экономика мешает реализовывать человеческие качества и силы, ибо экономика требует от человека одного – подчинения императивам товаропроизводства, то есть – подчинения формулам, в которых нет человеческого смысла, человеческого содержания.

Поэтому надо повторять и повторять, что экономическая субстанциональность как основа для построения теоретической концепции реформ, как основа для решения проблем социума в конце XX века – устарела. Более того, она стала причиной опустошения земли русской. Именно из-за экономических мотивов управления хозяйственной деятельностью исчезла сибирская тайга с сотнями видов животных и птиц, исчезла как бесценный биоценоз. И эта практика, вдохновляемая экономическими мотивами и аргументами, есть решающий шаг к исчезновению самого человека. Есть такие слова в одной из песен современности, которые звучат как вопль природы под натиском экономики:

«Не губите, мужики, не губите,
Не рубите дерева, не рубите
Ради гнёздышка грача не рубите сгоряча,
Не губите, мужики, не губите».

Но разве экономика обладает чувством и разумом?

«Что есть экономика?» «Что есть рынок?» – должны мы сегодня настойчиво вопрошать (на манер античных философов времён Сократа), если хотим понять, почему же «при экономике» (и «при рынке») происходит войны во всех уголках Европы, Африки, Латинской Америки и Азии? Почему «при экономике» исчезают все леса в Сибири, в Амазонии и в тропической Африке? Почему «при экономике» разрушается озоновый слой планеты Земля, и это грозит ослеплением: (в физическом смысле) и гибелью всему живому от жёсткого ультрафиолетового излучения, прорвущегося в нижние слои атмосферы? Почему «при экономике» в Карском море, в районе Новой Земли, было затоплено 17.000 контейнеров с радиоактивными отходами и 17 атомных подводных лодок, отслуживших свой срок? Почему «при экономике» в Балтийском море после второй мировой войны (в 1947 г.) было затоплено до 700.000 тонн химических артиллерийских снарядов?..

И почему «при экономике» (коль уж считается, что экономика – это положительно детерминирующая всю нашу жизнь система общественных отношений!) ни у кого из ответственных лиц из правительственных

[5] См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 584.

верхов, да и из начальствующего состава не хватило интеллекта и нравственных качеств, чтобы не допустить всех этих чудовищных по своим последствиям деяний?

«Что есть экономика?» «Что есть рынок?»

Экономика и рынок есть СТИХИЙНОЕ переплетение СУБЪЕКТИВНЫХ потребностей и плохо (по современным меркам) осознанных интересов индивидов, из равнодействующей которых возникают такие ОБЪЕКТИВНЫЕ тенденции, которые никого не могут удовлетворить.

«Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел». (См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 396. Подчёркнуто мною. –Н.Н.)

Знаменитое выражение Адама Смита о «невидимой руке»[6], которая помимо воли людей ведёт к общему утилитарному благу, и, таким образом, превращает субъективные интересы людей в источник общего утилитарного блага, – сегодня не может быть достаточно корректным принципом построения системы общественных отношений, т.к. сегодня разделение труда, на котором держится экономика, стало совершенно нетерпимым как препятствие к развитию «эффективного человека».

Если не понимать органической связи экономики и исторически-специфической технологии, порождающей исторически специфическое разделение труда, – то тогда экономика может трактоваться внеисторически: как «рынок», как движение по формуле Д – Т – Д.

Но в том-то и состоит фокус (центр) самого феномена ТОЙ «экономики» (термин надо взять в кавычки), которая объективно необходима сегодня как результат, получаемый ВСЛЕДСТВИЕ *действительных* реформ, так это *её зависимость от новой технологической доминанты, которая НАЗРЕЛА на грани XXI века* и которая должна обязательно быть принята во внимание и внесена и в доктрину реформ, и в их программу, и в соответствующее целеполагание в ходе самих реформ, ибо *собственно* РЕФОРМЫ – это и есть «технологический» переворот, понимаемый во всей его новизне и во всей его сложности. **Ибо – всё дело в становлении** (вытекающего из новой технологической доминанты) – **нового типа «разделения труда»**, выражаясь по-старому, или – в новом типе «организации труда», если выразить это по-новому, ЧТО одновременно есть *новая культура труда*, невозможная без внесения НОВИЗНЫ в технологические основы социума.

Повторяю: всё дело в становлении нового типа «разделения» (= организации) труда, или – в становлении новой культуры труда, потому что ЭПОХА, **к которой** осуществляется переход (и осуществляется *пока* в виде *негодных* попыток, так как делаются они исторически и логически недостаточно грамотно), представляет собой новую МЕРУ историко-культурного прогресса человечества. Недостаточная гармоничность попыток объясняется ИЛЛЮЗИЕЙ, в которую погружён интеллект реформаторов, *уверовавших* в то, что реформы общественного состояния можно осуществить на почве экономической причинности – посредством применения рычагов экономической (стоимостно-собственнической) детерминации – прежде всего финансовых рычагов. Это – *иллюзия*. И иллюзией это является потому, что исторически назрел СДВИГ в культуре действия: человечество и Россия ныне оказались объективно и непосредственно не перед удовлетворением потребительски-утилитарных импульсов желудка и моды, а перед

[6] См. А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». М.: Соцэкгиз. 1962, с. 332.

необходимостью *перейти* на новый СПОСОБ БЫТИЯ, разительно отличающийся от экономического способа производства, сосредоточенного в стихии товарно-финансовых операций.

Поэтому экономисты, разговаривающие с эпохой на языке финансово-экономических понятий и терминов, никогда не найдут адекватного понимания того, КАК необходимо действовать СЕГОДНЯ, чтобы войти в ЗАВТРА. Их интеллект, выражаемый их языком, может вести общество только во ВЧЕРА. – Поэтому-то и сказано было в самом начале, что необходима социально-интеллектуальная революция. – И камнем преткновения сегодня является разделение труда, ибо оно в эпоху, когда надо объединять, – РАЗДЕЛЯЕТ всё и вся. И происходит это разделение всего и всея (культур, наций, классов, собственности, политических интересов, интеллектуальных компетенций, товаров, денежных систем, ладей, валют и т.д.) потому, что культура труда в большинстве государств и в странах СНГ застыла на стадии индустриализма, частного эгоизма, классового и национального антагонизма и не имеет материальных предпосылок для интеграции: люди деятельно могут вступить в контакт только черев товарно-денежные отношения, то есть – через разъединение и противопоставление их труда.

А это значит, что массы людей в их стремлении к социальной интеграции и к развитию культуры становятся жертвами экономики (= стоимости, собственности, конкуренции), становятся жертвами разделения труда, составляющего сущность и базис утилитарно-производственно-трудовой деятельности и – «культуры» действия, *оборачивающейся антикультурой*.

Поэтому-то и необходим СДВИГ в культуре социального действия: на место разделения труда утвердить объединение труда (ассоциацию труда). Но это значит, что надо преодолеть экономические отношения: снять их в диалектическом смысле слова.

Но для этого, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, необходимо, чтобы экономисты, оказавшиеся во главе процесса реформ, понимали, что время «экономических решений» ушло, что сами по себе экономические отношения – анахронизм и что на место экономической методологии надо вводить гуманистические отношения, в системе которых ценность таланта неизмеримо выше стоимости товара. Наши уважаемые реформаторы взялись за свои реформы, не имея адекватной эпохе ни мировоззренческой, ни технологической доктрины и не имея понятия о мере НОВИЗНЫ социума, *грядущего после* реформ.

Это вообще-то изумительно (от выражения: «из ума вон»), что целая команда не чуждых науке лиц, образованных реформаторов полагает (надеется) осуществить в конце XX веха обновление России, не держа в уме ни адекватной методологии, ни – технологической программы и не имея в виду основных черт того социума, который должен состояться в качестве субъекта истории.

Это опять-таки свидетельство того, что действительность берётся только в форме *объекта*, или в форме созерцания, а не как «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности», направленной к установлению и **необходимой** технологической структуры, и **необходимого** социума (как адекватных XXI веку).

Это – не что иное как свидетельство *сугубо* экономического мышления, то есть – экономически ограниченного мышления – то есть мышления, *не* видящего всей сложности реальности конца XX века. Маркс называл это «профессиональным идиотизмом» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.4, с. 59; т. 3, с. 301), понимая под этим «ограниченность», формируемую профессией.

Но если уж команда реформаторов, состоящая из докторов наук, являет нам ограниченность, обусловленную профессией, то это значит, что в этом факте отражается общее положение, общее состояние

социального интеллекта, и все претенденты на роль премьер-министра и других министров ничуть не несут в себе большей компетентности и большей методологической культуры. И, следовательно, они так же будут «завязывать» все свои решения на экономику ... беря её в качестве объекта ... И все эти претензии явно «пахнут» авантюризмом («но в нашем доме пахнет воровством»). Поэтому: есть о чём подумать. Поэтому необходимо подойти и исторически, и логически.

«Что есть экономика?» Экономика есть процесс взаимодействия группы «А», производящей средства производстве, и группы «В», производящей предметы потребления. И всё. На этом содержательность экономики иссякает. Исчерпывается. Вот это-то всё и умещается в «лукошке экономической премудрости». Этим и кончается экономическое ведение современной социально-исторической ситуации.

А сегодня наступила такая историческая ситуация, когда этого крайне мало. Сегодня исторически необходимо, чтобы группу «А» и группу «В» органически дополнила развёртываемая в качестве приоритетней и доминирующей системы – группа «С». Иначе из тупика экономизма не выйти.

Содержательность группы «С» состоит в сосредоточенности на производстве способностей и талантов – на формировании ценностного потенциала страны – на возвышении индивида от статуса рабочей силы до статуса творческой личности. И всё это выражает переход от утилитаризма к гуманизму.

Если отношения взаимодействия группы «А» и группы «Б» – это *производственные отношения* (или – экономические отношения), то система отношений труппы «С» – это *отношения развития* (или – гуманистические отношения), так как характерное для них целеполагание состоит в развитии «человеческих качеств» (термин Аурелио Печчеи), тех самых человеческих качеств, адекватному развитию которых препятствует разделение труда, обусловленное преобладанием неорганических технологий, действующих в системе товарного производства.

Было бы бессмысленным говорить о группе «С» как сфере отношений, сосредоточенной на производстве способностей и талантов, если бы не было соответствующих технологий. К счастью, такие технологии уже есть, хотя им и не придаётся такого «веса» и значения, как технологиям группы «А» и группы «В». К таким технологиям надо отнести, прежде всего, новейшую технологию образования под названием «*мультимедиа*»[7], которая, несомненно, изменит облик окружающего нас социального мира, так как сыграет решающую и определяющую роль в становлении новой МЕРЫ культуры труда. Сущность "мультимедиа» в том, что эти технологии переносят «фокус» обучения с того, что может дать учитель, на то, что способен усвоить ученик. В системе технологии «мультимедиа» слиты воедино текст и все возможности работы с ним, а также звук, мультипликация, кино и видео, возможности общения с преподавателем и другими учащимися, все достоинства компьютерного поиска и обработки данных. Учащийся может работать в любом удобном для него темпе, в любое время суток и столько, сколько ему хочется, Единственное необходимое условие – надёжная система телекоммуникаций.

Подобные компьютерные технологии распространяются в мире всё шире, и специалисты ожидают, что лет через 20 они станут повседневностью. Уже сейчас они играют ведущую роль во многих университетах США. Комитет по высшей школе при Миннауки России ведёт несколько разработок в этой области, в том числе и программ «мультимедиа».

---

[7] См., например, «Радикал» № 39, октябрь 1992 г., с. 11 , еженедельное приложение к газете «Деловой мир». № 20 от 16 октября 1992 г.

Если традиционные технологии, к которым надо отнести неорганические и органические, сосредоточены на трансформировании вещества и энергии, то «мультимедиа» представляет собой пример социально-интеллектуальной технологии, задачей которой является возвышение дееспособности человека через информационное воздействие на его интеллект и развитие его способностей и талантов. И так как «человеческий фактор» в системе «трёхсекторного» производства является самой интенсивной силой, которой дано оказать громадное положительное воздействие на функционирование и группы «А» и группы «В», – не находясь в зависимости от условий этих групп экономики, – то непосредственное культивирование человеческих творческих сил в сфере группы «С», формирование творческой личности (вместо воспроизводства простой рабочей силы), представляется выходом из тупика тавтологически замкнутого на самого себя экономического процесса.

Ранее уже подчёркивалось, что «неопределённость возрастает по экспоненте». Этот феномен неопределенности не может быть преодолён сугубо экономическими средствами, так как является следствием экономики.

Это значит, что *сегодня* экономика (в составе всех её четырёх «этажей» и прежде всего – адекватной ей системы технологии и вытекающей из *этой* технологии системы разделения труда) не в состоянии в *самой себе* накопить ресурсы, необходимые и для поддержания экологического благополучия планеты, и для поддержания физиологически нормальных условии жизни (питания) масс людей, количество которых превышает 5,5 млрд. человек, ЕСЛИ производство и впредь будет ориентироваться на утилитарно-потребительские цели, НЕ ОТДАВАЯ ПРИОРИТЕТА целям культуры (= новой культуры труда), в которой творчество личности должно доминировать.

Сейчас же доминирует стоимость, прибыль, деньги, меновой эквивалент. Поэтому (формулируя кратко): *натура* вступила в противоречие с утилитарной (= экономической) культурой. И должно изменить тип культуры. На место экономической культуры *в качестве* ДОМИНАНТЫ надо поставить гуманистическую культуру. А это и предполагает широчайшее использование технологии «мультимедиа».

Наши уважаемые экономисты-реформаторы, при всём их субъективном стремлении достичь *обновления* России, – в самом строе своего мышления остаются **на старых** сталинских позициях, сохраняя, по существу, основную идею пресловутого сталинского «основного экономического закона социализма»: идею о ЦЕЛИ. Как видно «между строк» всех их высказываний о реформе, наши реформаторы исходят из ДЕЛИ обеспечить благосостояние народа. Но в том-то и закавыка, что **не это главное**. Цели можно напридумывать сколь угодно благие.

Главное сегодня – СПОСОБ, при посредстве которого можно достичь обновления России в современных обстоятельствах, в современной исторической ситуации. Цели – субъективны. СПОСОБ – объективен. Сегодня необходим новый СПОСОБ организации социальной жизни (что включает и «А» и «В» и «С» подразделения), чтобы этот СПОСОБ был адекватен эпохе экономических проблем и эпохе возрастания неопределённости, которая накатывает на нас по экспоненте.

И в таких обстоятельствах объективно НЕОБХОДИМО: 1) чтобы всё большая масса личностей была способна генерировать новые, социально-значимые, идеи и – 2) способность общества без волокиты воплощать их в практику жизни. Это и есть объективная потребность нашей эпохи. Ибо это предполагает устранение (в смысле – снятие) старого разделения труда и ориентацию людей НЕ на субъективные *цели* (не на эгоизм, не на антагонизм, ибо субъективные цели *разделяют*), а на новый СПОСОБ организации социума.

И введение в наши рассуждения идеи о группе «С» предстаёт перед умственным взором как ключевой момент всей концепции реформ.

«Социально-интеллектуальная революция», вынесенная как тезис на первую страницу данной аналитики, исходит из того, что экономическое понимание нашей социальной реальности и нашей будущности не сработает с необходимым эффектом.

Поэтому естественно родилась идея о том, что экономический подход к реформе нашего общества должен быть пересмотрен. Не просто – дополнен идеей о развитии способностей и талантов, – которые НЕСОИЗМЕРИМЫ НИ С КАКИМ стоимостным эквивалентом, – а *пересмотрен*. Пересмотрен в том смысле, что обществу надо будет перейти на новую ориентацию: ориентироваться не на товар, но на ТАЛАНТ. А всё остальное, как говорится, – приложится.

Поэтому напрашивается вывод о необходимости реализации практической программы «мультимедиа», так как на основе такой технологии, поднимая творческий потенциал страны в качестве приоритета всех других приоритетов, нам реально открывается способ обновления России в наиболее сжатые сроки.